

Повелѣнія
звѣрства
нѣмцевъ и
австрійцевъ

ПАЛАЧИ И МАРОДЕРЫ.

Составилъ Альбионовъ.

во Франціи
въ Бельгіи
и
въ Сербіи.

ПАЛАЧАМЪ.

Горе вамъ, безжалостные звѣри,
Горе вамъ—ужь близокъ грозный судъ.
Скоро вамъ, не въ той же самой мѣрѣ,—
Но за все сторицей воздадутъ.
Мнили вы держать весь міръ въ око-
вахъ

И явились демонами зла,
Нѣтъ именъ дѣяньямъ гунновъ но-
выхъ,
Жертвамъ нѣтъ ни мѣры, ни числа.
Есць, глухихъ и къ стонамъ и къ про-
клятью,

Позади которыхъ лишь гроба,
Навсегда позорною печатью
Заклеймятъ безжалостно судьба.
Годъ за годомъ скоро въ вѣчность на-
нутъ,

Но печать останется на васъ,
Тѣни жертвъ предъ вами грозно вста-
нутъ,
И смутятъ покой вашъ въ смертный
часъ!

Н. А. Карповъ.

ПАЛАЧИ.

Газетная фантма изъ войны 1914 г.

Въ девять часовъ утра 25-го августа
1914 года авангардъ прусской пѣхоты
вступилъ въ бельгійское селеніе.

Немедленно разставили часовыхъ и
и приступили къ строжайшему обыску
домовъ, но это не повело ни къ чему.
Не нашлось ни ружья, ни сабли,
ни револьвера.

Полковникъ приказалъ обойти бли-
жайшія окрестности, и эта мѣра не
повела ни къ чему удовлетворитель-
ному.

Тогда онъ приказалъ собрать на
площадь всѣхъ жителей, мужчинъ,
женщинъ и дѣтей.

Приказаніе это исполнили неме-
дленно и все населеніе Конопляника,
въ сто-восемьдесятъ человекъ, вклю-
чая дѣтей, собралось на указанномъ
мѣстѣ спокойно и холодно.

Звѣрства нѣмцевъ надъ мирными жителями.

Полковникъ замѣтилъ, что всѣ муж-
чины были стары; въ числѣ ихъ не на-
ходилось ни одного молодого.

— Гдѣ мэръ этой деревни?—грубо
спросилъ полковникъ.

— Передъ вами,—тихо отвѣтилъ вы-
сокій старикъ, вышедшій впередъ.

— Такъ ты мэръ?

— Я, сударь.
— Почему нѣтъ налицо молодыхъ
людей?

— Они въ отсутствіи.

— Гдѣ же?

— На службѣ; они должны были
явиться въ армию, когда объявили
войну.

Полковникъ нахмурился.
— Лейтенантъ Штейнбергъ!—крикнулъ онъ.

Щеголеватый офицеръ выступилъ впередъ.

— Книгу!

— Вотъ она, господинъ полковникъ.

— Читайте объ этой деревушкѣ!

Отдѣлъ продовольствія!

Молодой лейтенантъ поклонился и сталъ читать:

— «Скотъ: быковъ 22, коровъ 35, барановъ 227, лошадей, ословъ и муловъ 18, телѣтъ 12, куръ, утокъ, гусей около 200. Фуражъ: соломы ржаной и овсяной около 3000 вязанокъ, хлѣба 285 пудовъ, овса 431; население тихое, честное, мирное, безвредное, мэра зовутъ Юганомъ Шинеромъ».

— Довольно, довольно!—съ живостью перебилъ полковникъ:—не къ чему читать дальше.

Молодой офицеръ опять склонилъ голову и закрылъ книгу.

— Какъ видите,—продолжалъ полковникъ:—я имѣю вѣрныя свѣдѣнія о вашемъ имуществѣ.

— Если бы вы потребовали отъ меня отчета о небольшомъ достояннн нашемъ, возразилъ старикъ съ достоинствомъ:—я исполнилъ бы это съ строгой точностью; мы не лжемъ.

— Дѣло возможное; теперь же вы мнѣ выдаете половину всего, что упомянуто въ спискѣ. Даю вамъ полчаса, чтобы исполнить мое приказаніе; въ случаѣ неповиновенія деревня будетъ сожжена.

— Позвольте почтительно замѣтить вамъ, что требованіе ваше заставитъ насъ умирать съ голода; эти съѣстные припасы намъ необходимы. Во имя чловѣколюбія, умоляю васъ довольствоваться третью или четвертью. Мы здѣсь беззащитные люди. Въ чемъ можете вы упрекнуть жителей этой бедной деревни? Они не сдѣлали никакого зла ни вамъ, ни кому-либо изъ вашихъ; во имя Бога, которому молитесь и вы, отмѣните ваше варварское приказаніе.

— Вы съ ума сошли, честное слово!—посмѣиваясь, возразилъ полковникъ. —Я могу отнять все у васъ, а довольствуюсь половиною, и вы еще недовольны! Полноте! я никогда не отмѣню даннаго приказанія; повинуйтесь, если не хотите видѣть хижины своей обѣятыми пламенемъ!—

Не слушая ничего больше, полковникъ далъ шпоры лошади и ускакалъ въ сопровожденіи офицеровъ, которымъ отдавалъ приказанія относительно перевозки контрибуцій, наложенной на несчастную деревню.

Убитые горемъ, но покоряясь своей участи, жители тотчасъ принялись приводить въ исполненіе варварское приказаніе, которое дано имъ было такъ жестоко.

II.

Пруссаки везли съ собою пятнадцать грузовыхъ автомобилей для склада добычи, безжалостно исторгаемой во всѣхъ несчастныхъ селеніяхъ, которыхъ удостоивали своимъ посященіемъ.

Автомобили эти тянули за колонно, составляя, такъ сказать, мрачный арьергардъ. Ихъ продвинули впередъ

и поставили въ самой деревнѣ. Такъ какъ на этотъ разъ добычи было чрезвычайно много, къ автомобилямъ присоединились всѣ телѣги, какія оказались у крестьянъ. Тутъ-то нѣмцы приступили къ грабежу съ систематичностью и порядкомъ, которые они вносятъ во все.

Не могло быть зрѣлища болѣе прискобно и раздражающаго, какъ эти несчастные крестьяне, вынужденные притѣснителами приводить имъ свой скотъ, перетаскивая въ свой хлѣбъ, сѣно и сѣлому, и помогать складывать въ исполинскіе автомобили всѣ эти припасы, стоявшіе имъ столько тяжелаго труда и предназначенные способствовать къ благосостоянію ихъ семействъ, а теперь безжалостно у нихъ отнятые при пошлыхъ остротахъ, оскорбительномъ хохотѣ и наглыхъ шуткахъ.

Трупы сербскихъ юношей, найденные послѣ набѣга на сербскую деревню австрійскихъ войскъ.

Когда пробилъ часъ отъѣзда, солдаты стали въ ряды и ожидали одной команды, чтобы двинуться въ путь.

Вдругъ, полковникъ махнулъ рукою и всѣ остались неподвижны на своихъ мѣстахъ.

Полковникъ обратился къ мэру, все еще стоявшему возлѣ него.

— Подойдите,—приказалъ онъ.

Старикъ повиновался.

— Готовы ли вы отвѣчать на мои вопросы?

— Спрашивайте, сударь,—коротко сказалъ старикъ: если вопросы ваши будутъ такого свойства, что отвѣчать могу, то постараюсь удовлетворить васъ.

— Который вашъ домъ?

— Тотъ, передъ которымъ вы находитесь.

— Эта большая бѣлая хижина, крытая соломою?

— Именно.

— Гдѣ ваше семейство?

— Вотъ оно здѣсь возлѣ меня.

И рукою старикъ указалъ на немало сгорбленную старуху лѣтъ около шестидесяти восьми, двухъ мужчинъ лѣтъ пятидесяти, двухъ женщинъ отъ сорока до сорока-пяти лѣтъ, и трехъ молодыхъ дѣвушекъ отъ пятнадцати до семнадцати лѣтъ, бѣлокурыхъ прелестныхъ, но еще не вошедшихъ въ силы.

— Это вся ваша семья?—спросилъ полковникъ.

— Вся, сударь.

— Внуковъ у васъ нѣтъ?

— Три внука; они ушли, присоединиться къ своему корпусу.

— Хорошо, окружить этихъ людей, чтобы ни одинъ не могъ бѣжать.

— Зачѣмъ имъ бѣжать?—возразилъ старикъ:—вѣдь они не совершили никакого преступленія.

Солдаты немедленно исполнили приказаніе полковника.

Остальные крестьяне дрожали отъ ужаса и озирались растерянно; большая часть усердно молилась.

— Ваше семейство отвѣтитъ мнѣ за васъ и послужитъ злогомы!—съ злою усмѣшкой сказалъ полковникъ.

— Я не понимаю васъ, сударь.—возразилъ старикъ съ скорбнымъ изумленіемъ.

— Будьте покойны,—скоро поймете!—сказалъ полковникъ прежнимъ тономъ холодной крѣпости.—Вы должны немедленно объяснить мнѣ расположеніе бельгійскихъ войскъ около границы, должны сообщить номеръ полковъ и сообщить цифры орудій и пулеметовъ. Какъ мэръ пограничнаго селенія, вы должны имѣть эти свѣдѣнія!

— Я ихъ не имѣю!—спокойно сказалъ бельгіецъ.

Полковникъ покраснѣлъ отъ злости.

— Теперь вслушайтесь-ка повнимательнѣе въ то, что я скажу: я вполне убѣжденъ, что вы знаете многое, но упорно отъ меня скрываете; я даю вамъ пять минутъ на размышленіе, если послѣ этого срока вы не рѣшитесь разсказать мнѣ все съ полной откровенностью, донерветтеръ! я накачу васъ такъ, что чрезъ сто лѣтъ еще будутъ говорить объ этомъ съ ужасомъ.

Полковникъ отъѣхалъ, разговаривая съ офицерами.

Онъ хотѣлъ страшнымъ примѣромъ нагнать страхъ на этихъ бельгійцевъ, которые несмотря ни на что осмѣливались противиться нѣмецкому войнству.

Однако, всѣ члены семьи мэра оставались невозмутимыми среди цѣпи солдатъ, которые окружали ихъ и бдително караулили; за ними стояли остальные жители деревни, грустные и обѣятые невыразимымъ ужасомъ.

Полковникъ вернулся къ этой группѣ вскачь, сопровождаемый всѣмъ своимъ штабомъ и остановилъ лошадь предъ старикомъ.

— Ну что,—грубо и грозно спросилъ онъ:—обдумали ли вы и приняли, наконецъ, рѣшеніе мнѣ повиноваться?

— Я не понимаю васъ!—съ твердостью возразилъ старый бельгіецъ:—я исполнилъ всѣ ваши требованія, отвѣтилъ на всѣ ваши вопросы, чего же вы хотите еще?

— А! такъ-то!—вскричалъ полковникъ въ ярости:—вотъ мы увидимъ!

— Я готовъ на пытку и на смерть, поступайте же какъ угодно!—возразилъ старикъ съ рѣдкимъ величіемъ.

Полковникъ бросилъ на него взглядъ

жены и обратился къ своимъ офицерамъ.

— Вы всё свидѣтели, господа,— сказалъ онъ прерывающимся голосомъ:— упорства этого поддѣла?

Офицеры почтительно склонили головы.

— Когда меня вынуждаютъ къ этому, правосудіе должно быть совершенно, и правосудіе страшное, прибавилъ онъ съ свирѣпою усмѣшкой:— мы увидимъ, увидимъ!

И онъ сказалъ капитану Шимельману:

— Велите взять этихъ трехъ женщинъ, совершенно обнажить ихъ и крѣпко привязать къ деревьямъ.

— Которыхъ женщинъ, господинъ полковникъ? — почтительно спросилъ капитанъ.

— Вотъ этихъ,— указалъ полковникъ на трехъ молодыхъ дѣвушекъ.

Несчастныя помертвѣли; онѣ едва вышли изъ дѣтскаго возраста, старшей только что минулъ 18-й годъ, младшей было пятнадцать; отъ нервнаго озноба онѣ задрожали всѣмъ тѣломъ, лица ихъ исказились отъ ужаса и выразили безумный страхъ, онѣ дико озирались вокругъ и съ посинѣвшихъ губъ ихъ только срывались слова, послѣдній протестъ поспранный стыдливости:

— О! мама, мама!

И онѣ по безотчетному побужденію искали защиты въ объятіяхъ матерей.

Выраженіе ихъ лицъ раздирало душу; въ ихъ голосахъ звучало такое отчаяніе, что даже солдаты почувствовали невольную жалость; эти грубыя натуры, равнодушныя рабы кроваваго деспота, имѣли матерей и сестеръ въ своемъ краю.

Одинъ полковникъ держался прямо и гордо на лошади и, съ сигарою во рту, смотрѣлъ на эту сцену съ видомъ насмѣшки.

Содроганіе ужаса, подобно электрическому току, пробѣжало по рядамъ толпы, повергнутой въ оцѣпенѣніе отъ такого циническаго варварства.

Продолжительный стонъ поднялся къ небу, единственный и трогательный протестъ несчастныхъ противъ такого чудовищнаго злоупотребленія власти.

— О! — вскричалъ полковникъ съ грозною усмѣшкой:— эти негодяи, кажется, смѣютъ бунтовать? Эй, вы! прицѣлитесь въ нихъ и стрѣляйте, если пикнетъ хоть одинъ!

— Погодите, ради Бога! — воскликнулъ старикъ-мэръ и по лицу его заструились слезы.

Онъ почти безсознательно ухватился за поводъ лошади полковника.

— Не трогай, негодяи! — крикнулъ полковникъ и ручкой револьвера ударилъ старца по головѣ.

Тотъ грохнулся объ землю съ раскороеннымъ лбомъ, но тотчасъ опять всталъ на ноги, отирая кровь, которая ручьемъ лилась изъ его раны.

— Умоляю васъ именемъ всего, что есть наиболѣе святаго въ мірѣ, именемъ того же Бога, которому поклоняетесь и вы, пусть одна моя кровь прольется сегодня! Развѣ мы виновны, развѣ мы должны отвѣчать за эту страшную войну? Мы, населеніе безобидное и ничего не знающее о дѣлахъ свѣта? У васъ есть же сестры, матери, жены, которыя любятъ васъ и на родинѣ вашей оплакиваютъ ваше отсутствіе; во имя этихъ дорогихъ существъ, будьте милосердны, будьте

людьми. Самые свирѣпыя дикіе звѣри, и тѣ любятъ своихъ дѣтенышей, защищаютъ ихъ, даютъ убить себя за нихъ, не будьте же безжалостнѣе дикіихъ звѣрей, вспомните вашихъ матерей, вашихъ сестеръ и пощадите стыдливость и невинность бѣдныхъ дѣтей, которыя не сдѣлали вамъ ничего, не тираньте женщинъ, будьте милосердны къ слабымъ...

— Кончилъ ты свою проповѣдь? перебилъ полковникъ съ злою усмѣшкой.

Предупреждаю, терпѣніе мое истощается.

— Еще слово, одно слово, умоляю васъ!

— Говори, но смотри, покороче.

— Если ничѣмъ удовлетворить васъ нельзя, если вы жалости не знаете, если сердце у васъ каменное,— продолжалъ старикъ еще съ большею убѣдительною:— если вамъ непременно нужна кровь, чтобъ насытить вашу ярость противъ всѣхъ, кто носитъ названіе бельгійца— здѣсь есть мужчины, и не мало ихъ; возьмите насъ всѣхъ, велите сѣчь, разстрѣлять даже, если такъ угодно, мы умремъ съ радостью, чтобъ спасти тѣхъ, кого любимъ; но ради самого неба сжальтесь надъ женщинами, надъ нашими дѣтьми, не выставляйте обнаженныхъ дочерей нашихъ насмѣшкамъ вашихъ солдатъ, оскорбленіямъ и поруганію; мы готовы на казнь, берите насъ!

— Да, берите насъ! — вскричали всѣ старыя мужчины въ одинъ голосъ:— мы готовы!

Полковникъ засмѣялся.

— Скоты эти воображаютъ о себѣ Богъ вѣсть что! — вскричалъ онъ:— не понимая того, что жизнь ихъ въ моихъ рукахъ, что вздумается мнѣ, и они всѣ будутъ разстрѣляны по одному моему знаку. Ну, молчать! — крикнулъ онъ:— а вы, слушать команды!

У крестьянъ вырвался крикъ ужаса. Три молодыхъ дѣвушки грубо были вырваны изъ объятій убитыхъ горемъ матерей.

Несмотря на ихъ слабое сопротивление, увѣ! скорѣе безотчетное, чѣмъ сознательное, послѣдній протестъ низко поруганной стыдливости, съ нихъ сорвали одежду и, совершенно обнаживъ, привязали къ деревьямъ.

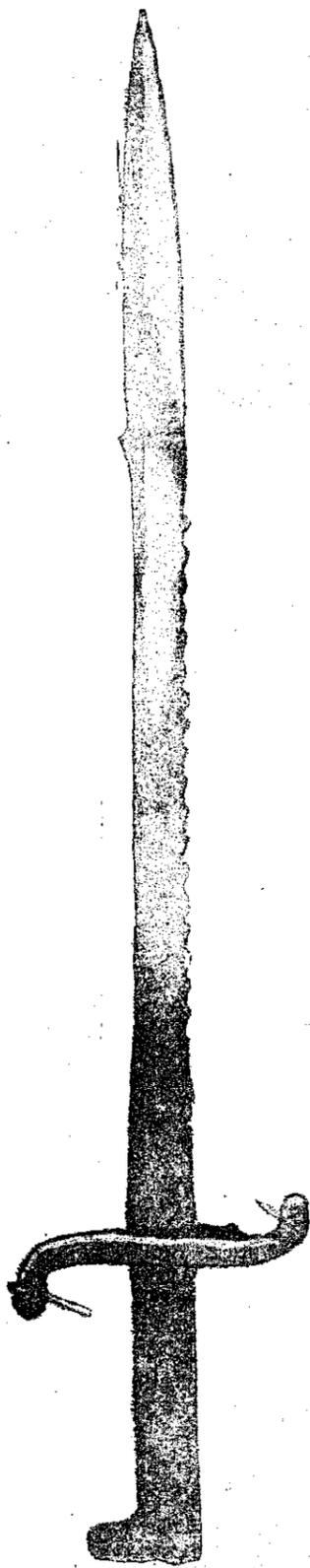
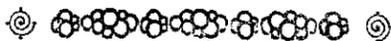
Зрѣлище было ужасное. Три бѣдныя дѣвочки, блѣдныя, съ чертами искаженными отъ стыда и горя, почти въ обморокъ, обезумѣвъ отъ ужаса и оскорбленнаго цѣломудрія, заливались слезами, а возлѣ нихъ стояли холодныя, безстрастныя и суровыя три унтеръ-офицера, вооруженные каждый длиннымъ, гибкимъ прутомъ, ожидая, со взоромъ устремленнымъ на начальника, команды приступить къ казни, а предъ ними все населеніе деревни, старики, женщины и дѣти въ безграничномъ отчаяніи ломали руки, возводили очи къ небу и плакали навзрыдъ почти подъ дуломъ направленныхъ на нихъ ружей.

Цивилизація какъ-будто ушла на три вѣка назадъ и вернулась эпоха полнаго варварства.

— Однако, пора покончить съ этимъ, — продолжалъ полковникъ: — время уходитъ, намъ слѣдовало бы уже быть далеко.

Онъ взмахнулъ саблей и крикнулъ палачамъ:

— Дѣлайте свое дѣло!

Пилообразный германскій штыкъ, причиняющій особенно мучительныя раны.

Нѣмецкія звѣрства въ Бельгіи. Картина недавно еще цвѣтущихъ полей, послѣ на шестія варваровъ.

Прутья свистнули и какъ ножомъ рѣзнули дѣвушекъ по обнаженной груди.

Страшный крикъ исторгла у нихъ боль. Вопли ужаса и отчаянія поднялись въ толпѣ. Мужчины, женщины и дѣти бросились,—не противиться этому возмутительному истязанію,—бѣднякамъ этого не пришло бы и на мысль,—но собою заслонить несчастныхъ.

Пруссаки не поняли, или, вѣрнѣе, прикинулись, будто не понимаютъ этого невольнаго изъявленія всеобщаго негодованія.

— Пли!—скомандовалъ полковникъ. Дула ружей поднялись; раздался страшный залпъ.

Вѣсто того, чтобъ бѣжать, крестьяне тѣснѣе прижались одинъ къ другому и, взмахнувъ шляпами въ воздухѣ вскричали въ одинъ голосъ:

— Да здравствуетъ Бельгія!

— Пли!—опять скомандовалъ полковникъ.

Вторично грянулъ залпъ.

— Да здравствуетъ Бельгія!—снова воскликнули крестьяне въ порывѣ восторженной преданности, призывающей смерть.

Такъ продолжался залпъ за залпомъ, и вслѣдъ за каждымъ крики: «Да здравствуетъ Бельгія!»—постепенно становились слабѣе.

Послѣ пятаго залпа настала мертвая тишина.

Все населеніе деревни было истреблено.

— Ага!—вскричалъ полковникъ, поднося къ губамъ сигару, которую не переставалъ курить во все время этого жестокаго побойща:— гнѣздо эхиднъ, кажется, раздавлено; въ живыхъ не остается ни единой.

Вдругъ, человекъ, или, вѣрнѣе, кровавый призракъ безъ человѣческаго образа, поднялся изъ груды тѣлъ, сталъ предъ полковникомъ, и брызнувъ ему въ лицо нѣсколькими каплями крови, струившейся изъ его ранъ, произнесъ могильнымъ голосомъ:

— Каинъ! Будь заклейменъ, какъ первый убійца! Проклинаю тебя... проклинаю!

Прусскій полковникъ выхватилъ револьверъ, но раненый уже упалъ на-

взничъ—онъ былъ мертвъ прежде, чѣмъ коснулся земли.

— Господа!—холодно сказалъ полковникъ офицерамъ,—намъ здѣсь нечего дѣлать больше. Надо поджечь дома и двинуться дальше.

Приказаніе было исполнено тотчасъ, и вскорѣ несчастная деревня превратилась въ громадный костеръ.

Спустя десять минутъ прусскій отрядъ, впереди котораго ѣхали автомобили съ добычей, вышелъ изъ бывшаго бельгійскаго селенія.

Этьенъ.

МАРОДЕРЪ.

Голубѣютъ сумерки, слышится въ нихъ земля таинственную былъ... Вѣтеръ сонный ласково колышетъ Зябко никнуцій, испуганный ковыль... Разбѣжится и, забывшись въ бѣгѣ, Набѣжитъ на жуткій слѣдъ гробницъ— На куски изломанной тѣлѣги И на маски жуткихъ, мертвыхъ лицъ... А едва лишь стануть дали хмуры И затихнетъ у околловъ стужъ, Въ поле выползутъ осклизлыя фигуры, Шаря землю щупальцами рукъ... — «Трупъ»... Вокругъ слезающаяся кочки... — «Есть!»... Кинжалъ врѣзается въ сукно, Рветъ на шеѣ тонкую цѣлочку И бросаетъ алое пятно... — «Портсигаръ... Какая-то иконка...» — «Золотой... хо-орошій медальонъ...» — «Въ медальонѣ... волосы ребенка...» — «Хе-хе-хе... какой смѣшной...» — «Лучше бѣ золото потолще... да же медаль, Что оно такъ призрачно и тонко...» — «Ну работа... нѣтъ совсѣмъ покоя!» — «Вотъ какъ будто дрогнула нога...» Мародеръ трусливою рукою Въ трупъ вонзаетъ лезвее клинка... И дрожа, иконку съ медальономъ Сунувъ въ сальный виснуцій карманъ, Уползаетъ въ голубой туманъ, Уступая очередь воронамъ...

Сергій Михѣевъ.

МАРОДЕРЫ.

Разсказъ—фактъ изъ войны 1914 года.

Раненый въ бедро пулей французскій доброволецъ Этьенъ-Шуази упалъ, на мгновеніе потерявъ сознаніе, но скоро очнулся.

Товарищи-стрѣлки были далеко впереди.

Этьенъ замѣтилъ, что больше не видно комковъ земли, подпрыгивающихъ въ воздухѣ отъ падающихъ нѣмецкихъ пуль.

Бой отклонился въ сторону. Внезапно Этьенъ услышалъ какой-то странный шумъ справа.

Съ большимъ трудомъ повернулъ голову и увидѣлъ нѣмецкаго кавалериста, галопомъ въѣхавшаго на вспаханное поле.

Какъ разъ въ это мгновеніе нѣмецъ упалъ вмѣстѣ съ лошадыю, раненый осколками разорвавшагося около него снаряда.

Лошадь съ вырваннымъ брюхомъ, билась и расточала неистовые удары копытами, задѣвая нѣмца, стонавшаго отъ раны и ея ударовъ. Черезъ нѣсколько минутъ лошадь успокоилась на вѣки.

Стемлѣло.

Нѣмецъ лежалъ, придавленный мертвой лошадыю, въ двадцати шагахъ отъ Этьена, который, благодаря острому зрѣнію, различалъ очертанія лица врага, его рыжую бороду и усы.

На небѣ блѣдно мерцали далекія звѣзды. Глубокая тишина воцарилась вокругъ.

Шумъ битвы умолкъ. Ружейная стрелкота больше не доносилась сюда.

Пушки рыкали далеко впереди.

Бедро Этьена мучительно ныло, но физическая боль не была такъ страшна Этьену, какъ сознаніе полной безпомощности—онъ не могъ двинуться съ мѣста—и одиночества.

Забывли!

Или товарищи перебиты—вѣдь ихъ было такъ мало, а нѣмецкій отрядъ многочисленъ.

И всетаки французы неудержимо бросились впередъ, чтобы гобѣдить или погибнуть.

Нѣмецъ изрѣдка тихо стоналъ.

Этьенъ не чувствовалъ теперь никакой злобы къ врагу, очутившемуся въ такомъ же безпомощномъ положеніи, какъ онъ самъ.

Онъ съ радостью помогъ бы нѣмцу, перевязалъ его раны, но не смотря на попытки ползти—не былъ въ состояніи передвинуться даже на шагъ.

Медленно тянулись часы нѣчи.

Мучительная боль и еще болѣе мучительная тоска не давали Этьену сомкнуть глазъ.

Тѣснились воспоминанія о близкихъ. Томило желанье послать имъ послѣднее «прости».

О, если бы еще разъ передъ смертью увидѣть хоть разъ товарища-француза.

Если бы еще хоть разъ пожать дружескую руку, услышать слово участія. Какъ тяжело умирать, покинутому, одинокому, въ этой печальной долиніи смерти.

Когда стала занимать заря, Этьенъ

замѣтилъ двѣ человѣческія фигуры, приближавшіяся къ тому мѣсту, гдѣ онъ лежалъ.

Сначала Этьенъ принялъ ихъ за французовъ и горячо обрадовался.

Потомъ ему показалось, что это нѣмецкіе санитары, но скоро онъ убѣдился въ своей ошибкѣ.

Когда они приблизились—Этьенъ похолодѣлъ отъ ужаса.

Это были нѣмецкіе солдаты-мародеры, гѣны поля битвы, жадность и жестокость которыхъ не знаетъ границъ.

Напрягши послѣднія силы, Этьенъ вынулъ изъ кармана брюкъ запасной браунингъ.

Стрѣлять, раньше чѣмъ они подойдутъ вплотную. Но, быть можетъ, звукъ выстрѣла привлечетъ другихъ разбойниковъ, рыскающихъ по необозримому полю битвы!

И тогда замучаютъ—пошады отъ нихъ не жди.

Этьенъ вспомнилъ, что еще на-дняхъ видѣлъ варварски изуродованные трупы французовъ, попавшихъ въ руки мародеровъ.

Послѣ нѣкотораго раздумья Этьенъ рѣшился.

Онъ вырылъ рукой маленькую ямку около себя, положилъ туда заряженный браунингъ и прикрылъ его землей.

Когда мародеры приблизились—Этьенъ не шевельнулся.

Онъ рѣшилъ превратиться въ мертпаго, надѣясь, что это его спасетъ отъ завѣрей-пруссаконъ.

Солдаты съ тупыми лицами и низкими лбами подошли и съ грубымъ смѣхомъ занялись своимъ мерзкимъ промысломъ.

Они обшарили карманы Этьена, вывернули ихъ наружу, высыпавъ все содержимое...

Разрѣзали мундиръ, добрались до кожанаго пояса, въ которомъ зашиты были деньги, сорвали съ груди золотой медальонъ съ портретомъ матери Этьена...

Мародеры грубо переворачивали француза, который продолжалъ играть роль мертвеца, несмотря на нестерпимую боль въ бедрѣ.

Судорожно стиснувъ зубы, Этьенъ героически переносилъ пытку, проклиная себя за то, что зарылъ браунингъ.

Теперь онъ не могъ пошевелиться не возбуждивъ подозрѣнія, а имѣя въ рукахъ оружіе, онъ уложилъ бы обѣихъ прусскихъ гѣнъ на мѣстѣ.

Но вотъ одинъ изъ мародеровъ замѣтилъ на лѣвой рукѣ Этьена золотое кольцо.

Не долго думая, пруссакъ выхватилъ шашку и, прежде чѣмъ Этьенъ успѣлъ отдернуть руку—отрѣзалъ палецъ, на которомъ красовалось кольцо—подарокъ жены Этьена, когда она еще была его невѣстой.

Страшная боль, кровь, брызнувшая ручьемъ, должны были бы заставить француза застонать, но мрачное, кошмарное воспоминаніе объ изуродованныхъ трупахъ, побѣдило и эту муку.

Потерять палецъ или быть замученнымъ палачами? И Этьенъ сдержался, почти теряя сознаніе отъ страшнаго напряженія воли.

Какъ разъ въ это мгновеніе застоналъ нѣмецъ, лежавшій по сосѣдству, и мародеры бросились къ нему. . . .

Пользуясь тѣмъ, что вниманіе мародеровъ было обращено на нѣмца, Этьенъ успѣлъ обернуть изуродованную

Нѣмцы въ Брюсселѣ. Грабятъ населеніе.

руку носовымъ платкомъ и ксе какъ приостановить кровь.

Стоны нѣмца становились все сильнѣе, переходя въ рыданія. Мародеры не церемонились со своимъ соотечественникомъ. Гѣны и шакалы не имѣютъ родины.

Съ нѣмцемъ поступили такъ же, какъ и съ французомъ.

Этьенъ видѣлъ, какъ мародеры срывали съ кавалериста одежду и обшарили его карманы. Въ это время французъ откопалъ свой браунингъ и продавалъ стволъ, засыпанный землей.

Вдругъ нечеловѣческой вопль раненаго нѣмца заставилъ Этьена задрожать.

Онъ невольно приподнялся и увидѣлъ, какъ одинъ изъ мародеровъ штыкомъ выкалывалъ глаза нѣмцу, чтобы лишить того возможности впоследствии узнать грабителей. . . .

Два выстрѣла раздались одинъ за другимъ.

Первый мародеръ, только что выколовшій глазъ нѣмецкому кавалеристу, взмахнулъ окровавленнымъ штыкомъ, вскрикнулъ и, какъ подкошенный, упалъ на спину.

Второй негодяй только пошатнулся, раненый въ плечо, но Этьенъ выпустилъ въ него остальные пять зарядовъ и пруссакъ свалился изрѣшетенный пулями.

Нѣмецкій кавалеристъ продолжалъ пронзительно кричать, почти выть, держась рукой за кровавую рану на мѣстѣ глаза.

Когда, черезъ нѣсколько часовъ французскіе санитары добрались до мѣста описанныхъ нами событій—они нашли три трупа и умирающаго отъ потери крови француза.

Нѣмецкій кавалеристъ, не вынеся нестерпимой боли, закололся тѣмъ самымъ прусскимъ штыкомъ, которымъ одинъ изъ мародеровъ выкололъ ему глазъ.

Евгеній Сно.

Докладъ бельгійской анкетной комиссіи о почти невѣроятныхъ звѣрствахъ нѣмцевъ въ Бельгіи.

Анкетная Комиссія по дѣлу о германскихъ звѣрствахъ опубликовала и разослала въ Антверпенъ докладъ слѣдующаго содержания:

Въ среду, германская армія, предавъ огню всѣ деревни, черезъ которыя она проходила, вступила въ Лувенъ.

Войдя въ городъ, германцы проникли во всѣ частные банки города и силой заставили ихъ выдать хранившіяся въ банкахъ деньги. Германскіе солдаты разбивали двери покинутыхъ жилищъ, грабили дома и предавались въ нихъ оргіямъ.

Германскія власти взяли въ качествѣ заложниковъ бургомистра города, сенатора фонъ-деръ-Келена, вице-ректора католическаго университета и старшаго священника города; члены магистрата и судебныя чины были также задержаны.

Въ сосѣдней деревнѣ Корбекъ-Ло молодая женщина, мужъ которой находился въ арміи, была захвачена бандою германскихъ солдатъ.

Была уведена въ особое помѣщеніе, гдѣ пять солдатъ, поочередно совершили надъ нею насилие, а затѣмъ посадили на штыкъ прусскаго ружья, закопаннаго на половину въ землю.

Въ той же деревнѣ, въ четвергъ, германскіе солдаты схватили молодую дѣвушку 16 лѣтъ и ея родителей.

Ихъ увели въ покинутое обитателями зданіе, а затѣмъ, въ то время, какъ нѣкоторые изъ солдатъ стерегли ея отца и мать, остальные повели дѣвушку въ погребъ, наполнили ее и потомъ выволокли на поляну передъ домомъ и здѣсь поочередно изнасиловали.

Такъ какъ она сопротивлялась, то ей нанесли нѣсколько ударовъ въ грудь штыками.

Брошенная послѣ этихъ гнусныхъ поступковъ, дѣвушка была къ-то приведена къ ея родителямъ, въ настоящее время она скончалась.

Придя въ Гофстадтъ, бельгійскіе сол-

Бельгийская семья, спасающаяся бѣгствомъ отъ гунновъ 20-го вѣка.

даты нашли трупъ старухи, убитой штыковыми ударами.

Она еще держала въ рукахъ иголку, которой шила въ тотъ моментъ, когда ее прикололи.

Тутъ же лежали трупы женщины и 15-ти-лѣтняго мальчика, вѣроятно, ея сына, пронзенные штыками.

Обнаруженъ былъ также повѣшенный мужчина.

Допрошенный Эдвардомъ Гертслесомъ, сыномъ британскаго генеральнаго консула сэра Сесилия Гертслета, въ Антверпенѣ, свидѣтель заявляетъ, что онъ видѣлъ близъ Малина, во время послѣдней атаки бельгийскихъ войскъ, старика, который былъ подвѣшенъ за руки къ подпиравшей потолокъ его фермы балкѣ.

Его тѣло было совершенно обуглено, хотя голова, руки и ноги были пощажены огнемъ. Недалекъ обнаруженъ трупъ мальчика 15 лѣтъ, руки котораго были перекручены веревками за спину, а тѣло покрыто многочисленными штыковыми ранами.

Многіе трупы крестьянъ лежали съ поднятыми для мольбы руками, въ положеніи людей, просящихъ о пощаду.

Жители деревень рассказываютъ о звѣрствахъ, совершенныхъ непріателемъ.

Такъ, на примѣръ, въ Ваккерзерѣ 7 нѣмцевъ сперва надругались надъ женщиной, а затѣмъ убили ее.

Въ той же деревнѣ они обнажили до пояса молодого челоуѣка, грозили ему смертью, приставляя револьверъ къ его груди и кололи пиками, а затѣмъ прогнали его въ поле и пустили ему вдогонку нѣсколько выстрѣловъ.

Остались только развалины и слѣды опустошенія.

Отброшенные нашими солдатами и охваченные паникой, германскія войска прибыли въ Лувенъ къ сумеркамъ.

Съ этого момента германцы начали бомбардировку города.

Бомбардировка продолжалась до 10 час. вечера, затѣмъ германцы подожгли городъ.

Тамъ, гдѣ пожаръ не разгорался, германскіе солдаты проникали въ квартиры и разбрасывали для поджога гранаты.

Большая часть города Лувена, въ особенности кварталы, расположенные на возвышенности, въ которыхъ помѣщались новѣйшія зданія, соборъ св. Петра, университетскія аудиторіи съ всей библіотекой университета, его рукописями и коллекціями, и большая часть ученыхъ учрежденій, а также обширный театр, стали немедленно добычей пламени.

Многочисленные трупы жителей валялись на улицахъ и площадяхъ; одинъ изъ свидѣтелей только на дорогѣ изъ Тирлемона въ Лувенъ насчиталъ болѣе 500 труповъ.

Предмѣстье Лувена постигла та же участь.

Можно утверждать, что весь районъ между Лувеномъ и Парижемъ и большая часть предмѣстій Лувена почти уничтожены.

Пожаръ продолжался нѣсколько дней.

Являясь въ завоеванныя поселенія, германцы обычно начинаютъ съ рѣзни мужского населенія, а затѣмъ запираютъ оставшихся въ живыхъ мужчинъ въ мѣстной церкви, а женщинъ заставляютъ идти домой и держать въ теченіе всей ночи двери своихъ квартиръ открытыми для пьяныхъ солдатъ и офицеровъ.

Многочисленные показанія свидѣтелей устанавливаютъ, что въ походѣ и даже во время атакъ германцы выставляютъ въ первые ряды населеніе, — мужчинъ и женщинъ, безъ различія, —

дабы этимъ удержать нашихъ солдатъ отъ стрѣльбы.

Германскіе отряды не стѣсняются поднимать бѣлый флагъ или флагъ Кр. Креста, чтобы подъ ихъ прикрытіемъ приблизиться къ нашимъ войскамъ.

Сами же они стрѣляютъ въ наши полевые госпитали и оскорбляютъ дѣйствіями нашихъ санитаровъ; они бьютъ и убиваютъ нашихъ раненыхъ.

Представители духовенства, по видимому, являются особымъ объектомъ ихъ покушеній.

Наконецъ, въ нашемъ распоряженіи имѣются разрывныя пули, брошенные непріателемъ въ Верхтеръ, и у насъ есть медицинскія свидѣтельства о томъ, что пораненія были причинены именно этими пулями.

Нѣмецкій офицеръ заставилъ мать и сестеръ убитаго бельгійца пить кровь сына и брата.

Особымъ ужасомъ вѣсть отъ факта, установленнаго въ одномъ изъ мѣстечекъ коммуны Спримо.

Нельзя безъ содроганія читать о слѣдующемъ случаѣ:

Одинъ нѣмецкій офицеръ остановился въ квартирѣ мѣстнаго обывателя Нандрена.

Офицеръ подошелъ къ висѣвшему въ квартирѣ телефонному аппарату и, подслушавъ случайно разговоръ, обвинилъ Нандрена въ сношеніяхъ съ бельгийской арміей.

Этого голословнаго обвиненія было достаточно для того, чтобы германцы звѣрски пристрѣлили г. Нандрена.

За убитаго отца вступился сынъ г. Нандрена, въ свою очередь, застрѣдившій взрва-офицера.

Черезъ нѣкоторое время въ домъ г. Нандрена былъ введенъ отрядъ германскихъ солдатъ подъ командой офицера, который заставилъ вдову г. Нандрена и двухъ ея взрослыхъ дочерей выпить кровь, сочившуюся изъ ранъ г. Нандрена.

Сообщеніе о послѣднемъ случаѣ строго проверено и является безусловно полнымъ соответствующимъ дѣйствительности.

Допрошенные односельчане г. Нандрена засвидѣтельствовали, что его вдова и дочери были найдены послѣ того, какъ ихъ заставили выполнить гнусное требованіе звѣра нѣмца, въ безсознательномъ состояніи.

Какъ они убили мою не-вѣсту.

(Разсказъ бельгійскаго солдата).

Мы проклинали раны, обрекающія насъ на бездѣйствіе.

Во время этого вынужденнаго бездѣйствія являются мучительныя мысли, встаютъ кровавыя картины, вспоминаются жестокости, которыя совершали другіе, или которыя приходилось совершать намъ самимъ.

Нѣтъ, для насъ только одно спасеніе — смерть, ибо жизнь превратилась для насъ въ невыносимый адъ.

У меня был друг, он жил в том же городе, где и я: вчера я случайно встретился с ним, он был еще невредим и спросил меня, — так как я только-что пришел с места сражения в наших родных краях, — знаю ли я, что стало с его родителями и сестрами.

Я знал, какая участь постигла их, но сказал, что мне это неизвестно, и он повěřил мне.

Теперь он убит, и, быть может, он уже узнал, что я хотел пощадить его, потому что все его родные убиты.

О, я расскажу вам, как убили их немцы, и как они убили многих других женщин... как они убили мою невесту. Сначала они публично насиловали девушек и женщин. Потом немцы погнали женщин, с которых содрали платья, совершенно обнаженными на фронт.

Перед ними выстроился ряд солдат со штыками, направленными на них; другой ряд солдат выстроился позади них, и затем раздалась команда, и они пали мертвыми. Другую партию обнаженных бельгийских женщин немцы закопали живыми, предварительно отрезав соски груди и набив осколками стекла половые органы.

Немцы отрывают уши у раненых французов, насиловать и закалывают сестер милосердия.

Газета „Politiken“ сообщает следующее показание сестры милосердия Французского Красного Креста Марселя Жани, данное ею властям Намюра: „После боя возле Монсея, я была послана с двумя другими сестрами для оказания помощи раненым. На поле битвы я застала баварского офицера и солдата за отрезыванием ушей у двух раненых французов. Когда мы бросились на помощь несчастным, баварский офицер выстрелил в меня. Пуля ранила меня в руку и я упала, потеряв сознание. Когда я пришла в себя, я увидела рядом с собою моих спутниц изнасилованными и приколотыми штыками.“

Немцы вырезали груди английской сестры милосердия и два раза разстреливали бургомистра Андренна.

Английские газеты сообщили, что в Вильверле (Бельгия) германцы подожгли городскую ратушу, а затем, схватив сестру милосердия, англичанку Юм, вырезали ей груди.

Несчастная умерла в ужасных страданиях.

В Андене (Бельгия) около 300 человек жителей были поставлены к стене и все разстреляны.

Бургомистр Андренна, раненый лишь несколькими пулями, притворился мертвым и вечером пробрался в свой дом.

В то время, когда жена бургомистра дала ему перевязку ран, в

На полях Эльзаса. После битвы эльзасские крестьяне подают помощь немногим раненым, которых не успели добить германские палачи.

дом вошли германцы, схватили его, снова поставили к стене и разстреливали.

Наглое издевательство немца над приговоренными к смерти французами.

При занятии одного из городов на севере Франции немцы, в качестве заложников, захватили мэра города вместе с несколькими лицами.

Заложников поместили в штабной квартир, причем их предупредили, что если наложенная на город контрибуция не будет уплачена в течение определенного срока, то они будут разстреляны.

Их подвели к окну и показали на отряд солдат, который должен был привести в исполнение этот приговор.

Спустя некоторое время, один из немецких офицеров сел за рояль и стал играть похоронный марш Шопена, заявив:

„Послушайте эту музыку, она как раз к случаю. Вы не можете сказать, что вам не было оказано военных почестей.“

После этого, заложников вывели во двор и разстреливали.

Палачи-немцы в Лувене.

Толпа жителей Лувена, насчитывавшая от 6 до 8 тысяч человек мужчин, женщин и детей, была отведена, под конвоем отряда 162-го германского полка, в манеж этого города, где несчастные протомились всю ночь. Многие из них должны были простоять на ногах до утра на полу, усыпанном битым стеклом, терпя невыносимые страдания.

В течение этой ночи несколько женщин, от перенесенных ими ужасов, сошли с ума, а грудные дети умирали на руках их матерей.

Барбаретва немцев в бельгийском городе Термонде. Специальные орудия поджога.

Из 1,500 зданий Термонда уцелело лишь около 100. Госпитали, богадельни, церкви, — все это сожжено наряду с частными домами. Во многих случаях тяжело-больные, прикованные к постелям, сжигались заживо вместе с помещением.

Но не в том дело, что цветущий Термонд обращен в развалины, дело в том, что эти развалины — вопиющее доказательство сознательности содеянного немцами. Доказатель-

ство того, что их вымуштровали для быстрого систематического сжигания городов; доказательство того, что их снабдили специальными приспособлениями для выполнения такой задачи; и того, наконец, что им вменили это в обязанность.

Все жители Термонда подписываются под официальным сообщением в английские газеты, рисуя неслыханную картину разрушения их города.

Причина, — как и причина бойни на улицах Лувена — мечь.

4-го сентября в Термонд вернулся германский корпус, разбитый и принужденный к отступлению бельгийцами. Командир его, Соммерфельд, во всеуслышание заявил:

— Наш долг, — сечь этот город...

Было затрачено два часа на приготовление. Потом на улицах города появились небольшие отряды немцев, которые, идя из конца в конец каждой улицы, разбивали прикладами оконные стекла по обе стороны.

За ними шли солдаты с машинами и прыскали керосином в зияющие отверстия окон. Большинство этих машин были ручными, но было несколько и специально приспособленных для этой цели автомобилей.

Закрывали процессии солдаты с факелами, поджигавшие разбрызганный всюду керосин.

Эта педантичность, эта продуманность и подготовительность преступления быстро сделали свое дело. Через часть Термонда пылал со всех концов. Через три или четыре часа его не стало.

Существование таких „орудий поджога“, которые здесь описаны со слов жителей Термонда, подтверждаются и посетившим город, вскоре по его разрушению, корреспондентом „Morning Post“. Одну такую машину он видел своими глазами; несколько других, по его словам, находятся в руках бельгийского правительства.

Звѣрства австрийскихъ офицеровъ надъ сербскими крестьянами.

Австрийские офицеры подавали сами пример своим солдатам в смысле учинения зверств.

Так, например, полковник Шензлер 26-го полка лично убивал тех пленных и крестьян, которых приводили к нему, а женщин насиловал и заставлял до смерти.

Лейтенант Бертич 28-го полка убил в Лозниц семь девушек, предварительно изнасиловав их.

Капитан Консда 79-го полка и капитан Вуич 21-го полка рассматривали всякого сербского солдата 3-го призыва, как вольного стрѣлка, и приказывали разстрѣливать его.

Полковник Зейферт 25-го полка и капитан Фейт 37-го полка приказывали поджигать дома.

Командовавшие 2-м и 4-м отрядами приказывали своим солдатам уничтожать все, что принадлежит сербам, и носить имя сербов.

Командующий 13-м корпусом Реймонд разрешил перебить 24 поселя-

нина обоего пола, большая часть которых была преклонного возраста.

Австрийцы добивали раненых сербов.

При медицинском составѣ, соответствующем 9-ти дивизиям, австрийцы на всем фронте боя не подбирали ни одного сербского раненого.

В австрийской армии сербы были распределены по прежнему с хорватами и венграми.

За малѣйшій проступок их разстрѣливали.

Им даже не разрешено было называть себя сербами, а лишь православными славянами.

В сражениях их ставили в первую линию, а за ними шли венгерская войска с артиллерией.

Звѣрства австро-венгерскихъ войскъ привели къ бунту въ арміи.

Прибывшие бѣглецы из Стрема, эвакуированного сербами, рассказывают ужасы о жестокостях, чинимых австрийцами и мадьярами над местным мирным сербо-славянским населением за тот радушный прием, который оно оказало сербским войскам.

Нужен немец Крафт-Эбинг, автор „Половой психопатии“, чтобы хладнокровно описать невероятные зверства над женщинами, совершенные австрийскими офицерами.

Эти жестокости достигают таких размеров, что вызвали сильное возмущение среди офицеров сербской и других славянских народностей австрийских войск, которое превратилось в серьезное вооруженное столкновение между отдельными частями войск, причем пущены были в дело даже и пушки.

Звѣрства австрийцевъ надъ сербами.

Австрийские войска учинили ужасную зверства над сербским населением в Сремѣ.

Они сжигали все поселения, вѣшали всякого серба без различия, убивали предварительно изнасилованных и зверски изуродованных женщин и детей, калѣчили младенцев, оскверняли сербские церкви.

Многие видные сербы убиты под конвоем в разные города Венгрии; судьба их неизвестна.

Бѣглецы передают почти невероятные подробности об отчаянном положении сербского населения Венгрии и Хорватии.

Пришедшіе звѣри, палачи и хамы.

Судя по рассказам жителей занятых немцами французских городов и перехваченным письмам самих немцев, последние возвели зверство, безчеловечность и грабеж в правила войны и систематически его применяют, не только с разрешения, но, быть

может, и по предписанию верховной власти.

Вот, например, перехваченное письмо взятого в плен германского офицера:

„Здесь больше, чем достаточно вина, и мы пьем его как воду. Первое, что мы делаем, входя в город, это опустошаем все погреба и наполняем наши флажки для воды доверху лучшими винами. Если бы это было не так, нам немцам пришлось бы плохо: пиво здесь отвратительно. После вина слѣдует обыкновенно охота на девочек.“

Грабят все.

Представьте себе комнаты обращенные в конюшни: во всех углах сахар, рис, мука, битая стекла, пустые бутылки и т. д. Столовое полотенце обязательно рвут на мелкие кусочки.

Шелковые платья топчут сапогами. Портят все, или все забирают с собой, до женского белья и чулок включительно.“

Очевидно, здесь не зверство обезумевшего от предоставленной ему свободы отдельного человека.

Здесь цинизм системы.

Сравните с этим проникнутую тем же цинизмом попытку „оправдать и осмыслить“ в свое время культурной „Frankfurter Zeitung“:

„Война, стѣющая разрушение, есть в то же время и путь к новому творчеству. Во все времена у человечества являлась энергия создавать вещи более великия и более прекрасныя, чем те, которые оно само же разрушило.“

Если немецкая армия в своем побѣдном наступлении бывают вынуждены разыскивать неприятеля не только в крепостях, но и в старинных и священных памятниках цивилизации, мы можем иметь, по крайней мере, то утѣшение, что побѣда, купленная так дорого, не преминет привести к созданию более прекрасных и более великих произведений искусства, чем средневековые храмы, утирающиеся в небо.“

Человѣчеству предлагается, таким образом, верить, что разрушение Реймского собора есть просто-на просто очистка места для чего-то лучшего, что сделают немцы.

Немцы-мародеры.

В Компьенѣ было официально констатировано, что во время пребывания германцев в этом городе, три больших вагона, приведенные на дворь Компьенского дворца, были нагружены ценными вещами, похищенными солдатами и унтер-офицерами в зданиях, принадлежащих муниципалитету, а также в частных домах Компьена.

Грабеж совершался в присутствии германских офицеров.

Семь ценными вещами германским унтер-офицером была сделана опись, а затѣм вагоны отошли, поднявъ флаг Красного Креста.

Одновременно увезены ценные вещи, в которые были завернуты бутылки шампанского.

Многие офицеры также носили повязку Красного Креста.

Безчинства палачей и насильниковъ-нѣмцевъ.

Корреспондентъ „Daily Chronicle“ телеграфируетъ изъ Виллеръ-Коттере, что нѣсколько нѣмецкихъ офицеровъ разграбили и разгромили великолѣпный замокъ, принадлежащій извѣстному шоколадному фабриканту, милліонеру Менье.

Сперва нѣмцы выпили все шампанское, хранившіеся въ погребахъ Менье.

Когда управляющій заявилъ, что шампанскаго больше нѣтъ, то они пригрозили убить его и пошли вмѣстѣ съ нимъ въ погребъ, гдѣ и убѣдились, что шампанскаго, дѣйствительно, больше нѣтъ.

Въ теченіе 9 дней офицеры предавались безобразнымъ оргіямъ въ замкѣ Менье. Они затащили туда трехъ дѣвушекъ и буквально замучили ихъ своими звѣрскими ласками. Они съѣли всю живность и выпили все вино, а то, что не въ состояніи были выпить, они забрали съ собою на автомобиляхъ Менье.

Офицеры не побрезгали взять съ собою весь гардеробъ Менье, а дамскія шляпы и платья разорвали въ клочья.

Прусское «честное слово».

Командиръ германской арміи у Нанси выпросилъ перемиріе для уборки труповъ и раненыхъ, давъ «честное слово» не пользоваться этимъ перемиріемъ для военныхъ цѣлей.

Лишь только прекратился бой, нѣмцы стали устанавливать на позицію противъ Нанси тяжелую артиллерію, намѣреваясь въ ту же ночь начать бомбардировку города.

Къ счастью, французы, замѣтивъ предательство, своими 75 мм. орудіями тотчасъ же отняли у нѣмцевъ возможность использовать «честное слово» съ пользою.

Германцы—истязатели животныхъ.

Ознакомившись изъ сообщенія въ газетахъ, что одинъ изъ германскихъ плѣнныхъ офицеровъ крейсера „Магдебургъ“ при выходѣ изъ вагона, при всей публикѣ, истязалъ собаку, которую, тѣмъ не менѣе, при плѣнномъ офицерѣ оставили въ Петропавловской крѣпости, председатель петроградскаго отдѣла общества покровительства животныхъ шталмейстеръ И. И. Назимовъ обратился къ коменданту крѣпости съ просьбой, не признаетъ ли онъ болѣе цѣлесообразнымъ отнять отъ военнопленнаго варвара несчастную собаку и передать ее въ общество покровительства животныхъ.

Ходатайство это комендантсмъ крѣпости удовлетворено. Собачка сдана подъ расписку попечителю лѣчебницы отдѣла, члену правленія Н. П. Цвѣткову. Собачку назвали „Шумъ“.

Нѣмцы въ Бельгіи. Разрушивъ Лувенъ, нѣмецкій отрядъ остановился около города, такъ какъ буквально весь его дома нѣмцы сожгли и разрушили.

Гнусная подлость германцевъ.

Спеціальный комитетъ, организованный въ Бельгіи для установленія фактовъ нарушенія нѣмцами международнаго права и обычая войны, сообщаетъ:

„Въ ночь на 6-е августа около 100 нѣмецкихъ солдатъ, подойдя на 175 метровъ къ нашимъ траншеямъ, побросавъ оружіе, подняли руки вверхъ и выставили бѣлый флагъ. Командовавшій бельгійскимъ отрядомъ приказалъ прекратить огонь и отправился къ нимъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ солдатъ. Не успѣлъ онъ подойти на 100 метр., какъ его поразила пуля“.

Мародерство нѣмецкихъ принцевъ.

(Изъ французскихъ газетъ).

Парижская газета „Матэнъ“ рассказываетъ о посѣщеніи Реймса сыномъ Вильгельма Гогенцоллерна, принцемъ Августомъ-Вильгельмомъ, и братомъ Вильгельма II, принцемъ Генрихомъ Пруссимъ.

Они прибыли вечеромъ и остановились въ гостиницѣ.

Принцы потребовали четырехъ заложниковъ изъ богатыхъ и уважаемыхъ людей города, и принудили ихъ ночевать въ корридорѣ, рядомъ съ комнатами, гдѣ спали принцы.

— Если на насъ будетъ ночью совершено покушеніе, заложники будутъ повѣшены—заявилъ принцъ Генрихъ Пруссій.

На слѣдующее утро оба принца поспѣшно покинули Реймсъ, такъ какъ къ городу начали подходить французскія войска.

На память сынъ и братъ Вильгельма II увезли съ собою изъ гостиницы всѣ серебряныя ложки и нѣсколько серебряныхъ вазъ.

Старый звонарь Реймскаго собора погибъ на своемъ посту.

Газетъ „Politiken“ сообщаютъ изъ Парижа о геройской гибели стараго звонаря Реймскаго собора.

Онъ до конца остался на своемъ посту на колокольнѣ, не переставая звонить въ колокола, не смотря на то, что башни собора и самая колокольня уже были разрушены неприятельскими снарядами.

Рухнувшая колокольня погребла подъ развалинами стараго звонаря вмѣстѣ съ колоколами, въ которые онъ звонилъ сорокъ лѣтъ.

Разрушеніе Реймскаго собора.

Сонетъ.

Когда на башни Реймскаго собора Желѣзный падалъ дождь и рушилъ ихъ, Въ дыму и пламени земного спора Шелъ споръ извѣчный воинствъ неземныхъ.

Взирали ангелы, полны укора, На демоновъ, чей богохульный стихъ Вънчалъ хвалой зачинщика раздора, Виновника безумій міровыхъ. Вопили камни, низвергаясь, грозно, И то, что было въ созиданьи розно, Единой грудой ядало: что Творецъ? А Онъ судилъ спокойно и сурово, И къ ангеламъ Его слетѣло слово, Въщавшее Германіи—конецъ.

Александръ Руславлевъ.

Гунны XX-го вѣка и Реймский соборъ.

«Они ничего не щадятъ, — сказалъ священникъ, показавшій корреспонденту «Daily Tel.» полуразрушенный Реймский соборъ, — мы помѣстили въ соборѣ 125 нѣмецкихъ раненыхъ и повѣсили на колокольнѣ флагъ Краснаго Креста, но нѣмцы все же бомбардировали соборъ и убили своихъ же собственныхъ солдатъ».

Священникъ открылъ маленькую дверку и ввелъ корреспондента въ алтарь. Восточная часть собора была повреждена меньше другихъ и хотя нѣкоторыя окна были разбиты, но, видимо, ихъ было нетрудно поправить. Совсѣмъ иное впечатлѣніе получило отъ главной части собора. Весь полъ здѣсь былъ покрытъ толстымъ слоемъ отбитой штукатурки, кусками металлическихъ оконныхъ рамъ и безчисленнымъ количествомъ осколковъ цвѣтнаго стекла. Посерединѣ валялось старинное паникадило, цѣлыя вѣка провисѣвшее подъ куполомъ на стальной цѣпи. Снарядъ оборвалъ цѣпь, паникадило рухнуло на каменные плиты и превратилось въ груды измятаго металла. Большія синія окна собора были полуразрушены, и стекла по большей части вывалились изъ нихъ. Верхнія окна были, видимо, пробиты снарядами, а нижнія пострадали отъ снарядовъ, разорвавшихся внутри собора. Одно изъ нижнихъ южныхъ оконъ совсѣмъ уничтожено. На полу на солонѣ лежатъ раненые нѣмцы. У одного окна громадная лужа крови — слѣды снаряда, убившаго здѣсь нѣсколькихъ раненыхъ».

По словамъ корреспондента „Times'a“, въ соборѣ были убиты четыре сестры милосердія.

Кошмарный судъ палачей нѣмцевъ надъ «заподозрѣнными» въ шпионствѣ.

Это былъ судъ страшно скорый. По одному подводили къ столу „шпионовъ“. Словъ было мало. Здѣсь уже витала смерть. Подсудимымъ обреченнымъ задавались одни и тѣ же вопросы, въ однихъ и тѣхъ же скупыхъ словахъ: „Имя“, „фамилія“, „откуда“, „занятіе“ — и все. И каждое слово звучало, какъ ударъ по гробовой крышкѣ. Въ результатъ допроса короткое, сухое заявленіе: „шпионъ“. Осужденнаго отводили въ сторону. Люди были совершенно раздавлены страхомъ, ночной мглой, суровостью судейскихъ лицъ, неожиданностью обрушившагося на нихъ несчастья и не могли ничего говорить. Судъ этотъ былъ какой-то послѣдней формальностью въ уже заключенной за нимъ сдѣлкѣ со смертью. Докторъ хотѣлъ было что-то сказать, но почувствовалъ, что здѣсь не разговариваютъ. Онъ попробовалъ попросить дать ему переводчика, чтобы объяснить суду ужасную ошибку, но его сразу перебили, едва ли разслышавъ. Точно звукъ его голоса кошунственно нарушалъ мѣрно развивавшуюся мрачную мессу смерти. Доктора допрашивали послѣднимъ и также отвели въ сторону.

Черезъ нѣкоторое время всѣхъ на томъ же разстояніи другъ отъ друга отвели на другой дворъ. Посреди двора стоялъ столбъ, въ сторонѣ запряженная платформа.

Начались разстрѣлы. Сначала завязывали на спинѣ руки, затѣмъ завязывали глаза. Подводили къ столбу солдатъ, привязывали у пояса пистолетъ и отходили въ сторону. Впереди на разстояніи 20 шаговъ выстраивались шесть солдатъ. Команда и залпъ. Верхняя половина тѣла, окровавленная, свѣшивалась внизъ. Трупъ отвязывали и клали на фургонъ. Стояли всѣ обреченные и смотрѣли. Не было уже и страха. Былъ столбнякъ. Шли къ столбу покорно. Не плакали, не упирались, не кричали. Точно еще до разстрѣла стали мертвецами.

Затѣмъ повели второго — остался 41 обреченный. Повели третьяго — осталось сорокъ.

Разстрѣлы шли правильно, безъ заминки. Всѣ оставались на мѣстахъ и тупо смотрѣли на столбъ. Иногда высокою струей брызнетъ кровь. Иногда изрѣшетенная жертва оставалась въ той же позѣ.

Палачи-пруссакки.

(Разсказъ врача).

— На перевязочный пунктъ одной изъ нашихъ частей пришла старушка, лѣтъ 70, съ обуглившимися руками и обращенной огнемъ въ безформенную массу спиной. Она разсказала слѣдующее:

Около моей хаты нѣмцы застрѣлили солдата. Я вышла изъ избы и надъ трупомъ солдата стала проливать слезы. Это было замѣчено нѣмецкимъ патрулемъ... Меня схватили, толкнули въ избу, сюда же швырнули трупъ. Избу подожгли съ четырехъ сторонъ. Солдаты штыками удерживали меня въ избѣ, чтобы я осталась и погибла въ пламени. Увѣренные въ томъ, что я сгорѣла, они ушли, благодаря чему я успѣла вотъ въ такомъ видѣ спастись.

Зияющія раны на спинѣ, обуглившія руки и лицо — подвигъ нѣмецкаго патруля.

Жутко перечислять всѣ отдѣльные случаи нѣмецкой жестокости. Кошмаромъ вѣетъ отъ разсказовъ людей съ отрѣзанными ушами, съ выбитыми черезъ одинъ зубами, съ выкрученными и болтающимися руками.

Страшно смотрѣть на солдатъ съ вырѣзанными языками, съ выколотыми глазами.

Въ одномъ изъ нашихъ госпиталей томится молодой воинъ, которому нѣмцы выкололи штыкомъ оба глаза. Двѣ ямы вмѣсто глазъ. Врачи убѣдили бѣднягу, что зрѣніе къ нему вернется. Онъ вѣритъ, потому что хочетъ, старается вѣрить.

Безъ стонать переносить свою мучительную боль.

Подлость австрійцевъ.

Раненый полковникъ Ю., командиръ одного изъ полковъ, разсказываетъ:

— Неприятно то въ нынѣшней войнѣ, что считающіе себя культурными европейцами, нѣмцы и австрійцы дѣрются, какъ дикари.

Пристрѣливаніе раненыхъ, пользование разрывными пулями достаточно ярко характеризуютъ нашего непріятеля.

Я самъ тяжело раненъ, исключительно вслѣдствіе подлости австрійцевъ, съ которыми мнѣ пришлось сражаться, командуя полкомъ.

Мы брали приступомъ австрійскій городокъ.

Атака наша шла успѣшно, и непріятель, видя, что ему не устоять, выкинулъ бѣлый флагъ.

Мало того, одинъ изъ офицеровъ снялъ свою каску и, надѣвъ ее на саблю, поднявъ вверхъ, показывая, что они сдаются.

Мы прекратили стрѣльбу и стали подходить къ непріятелю.

Не прошли мы и десятка саженой, какъ вдругъ залпъ за залпомъ.

Стрѣляли яко-бы сдавшіеся австрійцы.

Я былъ раненъ въ бедро и въ ногу.

Не растерявшіеся солдаты посадили меня на коня и озлобленные кинулись на подлago врага.

Австрійцы не выдержали нашей атаки и были выбиты.

Нѣмецкая гнусность.

До чего дошла гнусность нѣмцевъ, показываетъ слѣдующій случай.

— Однажды, разсказываетъ раненый рядовой Кондинъ, мы сидѣли въ окопахъ.

Вдругъ видимъ, къ намъ подходитъ отрядъ нашихъ солдатъ, подъ командой офицера.

Ничего не подозревая, мы спокойно смотрѣли на приближающихся.

Когда отрядъ подошелъ на близкое разстояніе, солдаты вдругъ открыли по намъ стрѣльбу и съ крикомъ бросились къ окопамъ.

Тогда мы поняли, что это переодѣтые нѣмцы и, въ свою очередь, стали стрѣлять въ нихъ.

Наши выстрѣлы заставили обратиться непріятеля въ бѣгство.

Мы преслѣдовали нѣмцевъ. Всѣ ихъ отрядъ погибъ...

Съ кѣмъ мы воюемъ.

Подъ Августовомъ, гдѣ нѣмцы бѣжали, кинувъ обозы и раненыхъ, нами былъ найденъ убитый русскій офицеръ. Лицо его было прикрыто платкомъ, на груди лежали золотыя часы и серебряный портсигаръ, къ рубашкѣ была приколотая записка, написанная карандашомъ:

— Уважаемые враги. Взяли у офицера лишь книжку донесеній, часы и портсигаръ оставлены въ неприкосновенности. Къ сожалѣнію, не имѣли возможности забрать этого тяжело раненаго и перевязать, такъ какъ у насъ очень много своихъ собственныхъ раненыхъ».

Найдя такую записку, наши были уже готовы восхитаться благородствомъ

противника, если бы рядомъ съ офицеромъ не лежали шесть труповъ на шихъ казаковъ съ отрѣзанными ушами и выколотыми глазами. Съ казаковъ были сняты шинели и карманы ихъ были опустошены.

Сдѣлавъ красивый жестъ, нѣмецкіе мародеры не могли не испортить сейчасъ же благоприятнаго впечатлѣнія, произведеннаго ихъ поступкомъ съ офицеромъ.

Вандалы.

Первоначальное сообщеніе о бомбѣ, сброшенной германскимъ аэропланомъ надъ соборомъ Парижской Богоматери, оказалось неточнымъ. Въ дѣйствительности бомба эта взорвалась, и отъ нея загорѣлось бревно внутри собора. Такимъ образомъ, упавшая на соборъ бомба представляетъ собою снарядъ, предназначенный для поджога.

Обстрѣлъ русскаго госпиталя Цеппелиномъ.

(Разсказъ прис. пов. И. Ф. Гефсиманскаго).

Со словъ своего родственника-офицера, раненаго въ послѣднихъ стычкахъ съ нѣмцами и находящагося въ данное время въ лазаретѣ Евгеніевской общины въ Петроградѣ, прис. пов. И. Ф. Гефсиманскій, въ разговорѣ передалъ намъ слѣдующій возмутительный фактъ, характеризующій лишній разъ тевтонское варварство.

Верстахъ въ трехъ отъ расположенія той части, въ которой находился на полѣ битвы родственникъ прис. пов. Гефсиманскаго, былъ наскоро сооруженъ деревянный баракъ передоваго госпиталя.

На крышѣ этого барака, какъ и около его, были вывѣшены флаги Краснаго Креста.

Вдругъ надъ госпиталемъ на высотѣ 2,000 метровъ показался парящій „Цеппелинъ“... Черезъ нѣсколько минутъ съ „Цеппелина“ въ госпиталь бросили бомбу, но промахнулись.

Видя, что съ нашей стороны на это озорство не отвѣчаютъ, „Цеппелинъ“ опустился ниже и вторично бросилъ снарядъ. Но опять не попалъ.

Тогда онъ, рискуя опасностью быть подстрѣленнымъ, опустился совсемъ низко и въ третій разъ бросилъ снарядъ, которымъ разрушилъ часть госпиталя и убилъ и ранилъ нѣсколько своихъ и нашихъ раненыхъ.

Въ это время изъ госпиталя выбѣжали солдаты и открыли по „Цеппелину“ огонь залпами.

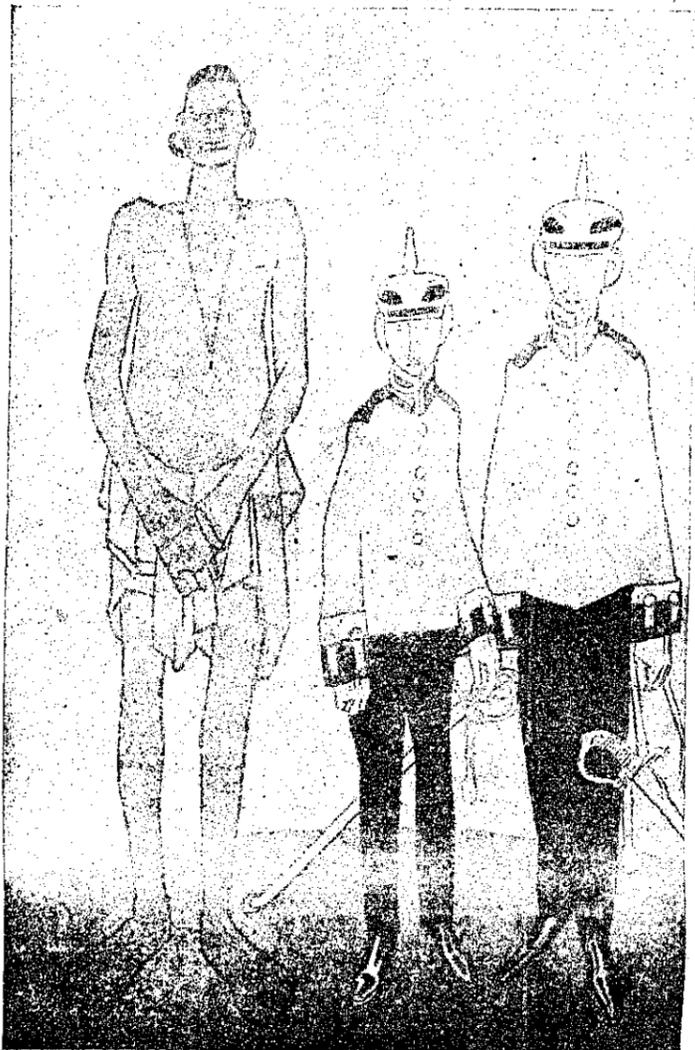
„Цеппелинъ“, хотя и былъ подстрѣленъ, но, къ несчастію, успѣлъ скрыться.

Грабители.

Новыя данныя, рисующія поведеніе германской арміи въ Брюсселѣ, сообщаютъ въ „Evening News“ г-жа Латуръ, жена директора брюссельскаго музея, прїѣхавшая изъ Бельгіи въ Лондонъ.

— Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что

Нѣмецкая жестокость въ... нѣмецкой карриатурѣ.

Нѣмецкіе принцы получили отъ царька африканскихъ людоедовъ почетные кольца для ношенія въ носу.

германцы войдутъ въ Брюссель, — пишетъ она, — мой мужъ рѣшилъ остаться на своемъ посту и охранять сокровища музея. Онъ надѣялся, что частная собственность будетъ пощажена въ виду того, что Брюссель не являлся укрѣпленнымъ городомъ. Но, черезъ нѣсколько часовъ послѣ вступленія въ Брюссель нѣмцевъ, два прусскихъ офицера, въ сопровожденіи солдатъ, уже стучались въ нашу дверь. Всѣ сторожа были отпущены, и мужъ, видя, что офицеры не намѣреваются уходить, рѣшилъ впустить ихъ.

Не обращая на него вниманія, офицеры направились къ двери, ведущей въ музей. Найдя ее запертой, они потребовали у моего мужа ключи, когда тотъ отказался дать ихъ, нѣмцы отняли связку ключей силой. Офицеры вошли въ залъ гдѣ обычно, находились безцѣнные эмали 12-го вѣка и драгоценности. Наибольше цѣнныя вещи были

уже увезены и нѣмцы пришли въ ярость, хотя все же отобрали изъ картинъ, фарфора и драгоценныхъ вещей то, что имъ пришлось болѣе по вкусу, приказавъ мужу „завернуть“ имъ все это, какъ въ лавкѣ.

Они нѣсколько не скрывали, что берутъ эти вещи для украшенія своихъ жилищъ.

— Это очень подойдетъ къ моему салону, а то пригодится для будуара жены, — объявилъ одинъ изъ нихъ, а другой сказалъ:

— Марта просила привезти ей настоящихъ брюссельскихъ кружевъ, эти миниатюры доставятъ ей удовольствіе.

Офицеры нѣсколько разъ еще возвращались, иногда одни, иногда съ другими офицерами, и каждый разъ уносили что-нибудь. Въ общемъ, они похитили, такимъ образомъ, не менѣе 50 картинъ.

Австрийскія разрывныя пули.

О цѣломъ транспортѣ пуль думъ-думъ сообщает корреспондентъ „Раняго Утра“ изъ Львова. Онъ видѣлъ транспортъ разрывныхъ пуль, захваченный у австрийцевъ и хранящийся въ нашихъ складахъ на театрѣ войны.

Система этихъ пуль думъ-думъ нѣсколько. Одна система попадаетъ отрѣзнымъ концомъ въ тѣло и разрываетъ рану, другая пуля разрывается въ мелкіе куски внутри. Наиболее ужасныя пули съ тонкой полоской на мундштукѣ. Онѣ начинены сильнѣйшимъ составомъ. Съ этими пулями надо обращаться осторожно, такъ какъ онѣ взрываются даже при паденіи на землю. Плѣнные показывали, будто эти пули раздаются по пять штукъ на роту для установленія дистанціи. Наши войска, однако, подбирали въ Австріи сплошь лѣкія пули. Имѣются захваченные пулеметы, ленты которыхъ состоятъ сплошь изъ ужасныхъ пуль думъ-думъ.

«Мирные» нѣмцы.

Рядовой Зарѣцкій, привезенный въ Петроградъ 28 сентября въ партіи раненыхъ, рассказалъ, какъ отплатили „мирные“ жители восточной Пруссіи русскимъ за человѣчное и корректное отношеніе къ себѣ со стороны нашихъ войскъ.

Въ занятый нашими Нейденбургъ доставлены были въ повозкахъ изъ передовыхъ отрядовъ раненые. Рядовой Зарѣцкій состоялъ при повозкахъ. Прибыли вечеромъ, переночевали въ предмѣстьѣ благополучно; большинство жителей были на своихъ мѣстахъ и казались дѣйствительно „мирными“. Наши никому никакого зла не дѣлали и за все платили звонкой монетой. Но вотъ утромъ былъ отданъ приказъ выступить изъ города и вывезти раненыхъ; и вотъ, когда по узкимъ улицамъ потянулись двуколки и фургоны, внезапно изъ большинства оконъ и дверей началась стрѣльба; это—„мирные“ жители города изъ неизвѣстно откуда появившихся ружей и револьверовъ разстрѣливали беззащитныхъ, и потому не страшныхъ для нашихъ раненыхъ солдатъ, пользуясь тѣмъ, что войскамъ нашимъ было не до нихъ. Многие нѣмцы стрѣляли также умышленно въ лошадей, чтобы раненые животные опрокидывали повозки и падали, загромождая этимъ улицы. Одна лошадь взбѣсилась, опрокинула свою двуколку, выбросивъ на дорогу раненыхъ. Зарѣцкій попалъ подъ двуколку, сшибленный съ ногъ, и былъ подобранъ вмѣстѣ съ другими ранеными, съ переломленной ногой. Несмотря на пальбу изъ оконъ и изъ за угловъ, наши санитары и обозные солдаты вывезли и вынесли своихъ раненыхъ.

Такъ благодарили русскихъ солдатъ „мирные“, „честные“ жители Нейденбурга за гуманное и корректное отношеніе къ себѣ и своему имуществу.

Сверхъ-звѣри.

Командиръ батальона отдалъ приказаніе произвести развѣдку и занять деревню. Было выслано для этой цѣли нѣсколько развѣдчиковъ, въ числѣ которыхъ находился Н.

Послѣдній пробрался къ неприятельскимъ окопамъ и, производя развѣдку, собрался возвратиться къ своимъ, но тутъ, замѣченный германцами, былъ раненъ.

Рядовой кое-какъ сдѣлалъ себѣ перевязку, но возможность возврата къ своимъ была потеряна и ему пришлось на ночь остаться недалеко отъ нѣмцевъ.

Прошли сутки и германцы были атакованы нашими, ихъ выбили штыковымъ боемъ изъ окоповъ... И здѣсь глазамъ побѣдителей представилась ужасная картина.

Трупъ рядового Н. былъ найденъ, но въ какомъ видѣ!

У несчастнаго были отрѣзаны уши, носъ, выколоты глаза, а на животѣ и груди было найдено 15 колотыхъ штыковыхъ ранъ.

Оказалось, что всѣ эти звѣрскія истязанія были продѣланы надъ живымъ Н., и смерть послѣдовала отъ сильнаго кровоизліянія и штыковыхъ ранъ.

Нѣмки-грабительницы и мародерки.

Жена офицера, прибывшая изъ Сувалокъ, рассказываетъ о нѣмецкомъ мародерствѣ: русскія семьи такъ поспѣшно покинули Сувалки, что смогли взять только самыя необходимыя вещи, оставивъ мебель и домашнюю утварь на произволъ судьбы.

Этимъ воспользовались нѣмецкіе мародеры, или, вѣрнѣе, мародерши.

Спустя дня 2 послѣ занятія Сувалокъ нѣмцами, туда изъ пограничныхъ городовъ прибыли жены нѣмецкихъ офицеровъ, которыя стали обходить оставленные квартиры и отбирать лучшія вещи. Затѣмъ у населенія были потребованы погребы и ограбленное добро было аккуратно запаковано и отправлено „нахъ фатерландъ“. Увозилось все, даже такія громадныя вещи, какъ мебель и пианино.

Грубые скоты.

Одинъ врачъ рассказываетъ эпизоды изъ военныхъ дѣйствій въ восточной Пруссіи.

Раненые нѣмецкіе офицеры не хотятъ сдаваться въ плѣнъ.

Когда подходятъ къ нимъ наши санитары, они дерутся, кусаются, бранятся, часто плачутъ отъ досады.

Былъ такой случай: одного нѣмецкаго раненаго офицера съ большимъ трудомъ доставили въ госпиталь.

Онъ измучилъ всѣхъ санитаровъ. Въ госпиталь онъ продолжалъ драться и браниться. Думали, что онъ постыдится сестры милосердія, и позвали одну изъ нихъ, предложивъ ей

какъ-нибудь укротить свирѣпаго офицера.

Но офицеръ, увидѣвъ сестру милосердія, крикнулъ по-нѣмецки:

— Не подходи, а то заплюю тебѣ всю рожу!..

Сестра, не обращая вниманія на эту угрозу, подошла къ раненому.

Послѣдній привелъ въ исполненіе свою угрозу и плюнулъ сестрѣ милосердія въ лицо.

Въ другомъ случаѣ, обезоруженный нѣмецкій офицеръ отыскалъ въ карманѣ перочинный ножикъ, обнажилъ лезвіе его и вонзилъ остріе прямо въ спину нашего санитаря въ то время, когда онъ, наклоняясь, дѣлалъ ему перевязку.

Титулованные мародеры.

Мародерствуя въ южной части Ц. Польскаго, австрийскія войска навѣстили, между прочимъ, и извѣстнаго тамошняго помѣщика, скотовода и коннозаводчика А. Будны.

Въ помѣстьѣ къ нему явился „цвѣтъ“ австрийской кавалеріи—отрядъ венгерскихъ гусаръ, которые насчитываютъ въ своихъ рядахъ много представителей высшей австро-венгерской аристократіи. Изъ числа послѣднихъ въ помѣстьѣ г. Б. прибыли графъ Зичи, баронъ Сардасъ и др.

Прежде всего неожиданные «гости» заказали обильный обѣдъ, а въ ожиданіи его пошли любоваться роскошнымъ домомъ г. Б. и осмотрѣли его конскій заводъ. Осмотръ этотъ сопровождался самымъ беззащитнымъ грабежомъ.

Баронъ Сардасъ открыто стащилъ со стола и положилъ въ карманъ дорогіе золотыя часы г. Б. съ цѣпочкой и брелоками, а когда г. Б. пытался протестовать, то вытащилъ револьверъ и недвусмысленно пригрозилъ имъ г. Б.

Его „соратникъ“, графъ Зичи, запасшись маленькимъ ручнымъ саквояжемъ, сложилъ туда «на память» дорогія бездѣлушки, украшавшія кабинетъ и гостиную г. Б., а третій офицеръ, «попрактичнѣе», снялъ съ г. Б. мѣховую «венгерку», а изъ шкафа укралъ гетры и хлыстъ съ дорогой рукояткой.

На конскомъ заводѣ офицеры выбрали шесть чистокровныхъ скакуновъ, общемою стоимостью въ 50 тыс. руб., и «реквизировали» ихъ.

За обѣдомъ офицеры потребовали вина, которое такъ пришлось имъ по вкусу, что они не только перепились вдребезги, но и конфисковали изъ погреба г. Б. 500 бутылокъ вина лучшихъ сортовъ.

Послѣ обѣда пьяная компанія рѣшила „слегка развлечься“ и отправилась на свиной дворъ. Выпустивъ здѣсь изъ хлѣвовъ свиней, пьяные офицеры устроили «охоту» и перестрѣляли нѣсколько десятковъ дорогихъ юрширскихъ производителей и матокъ.

Въ общемъ, этотъ визитъ австрийской аристократіи обошелся г. Б. свыше 80 тыс. руб.

Въ книжномъ складѣ журнала „20-й ВѢКЪ“.

ПЕТРОГРАДЪ.

7-я Рождественская улица, домъ № 30,

и также у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи, на пристаняхъ
и во всѣхъ кіоскахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

продаются слѣдующіе роскошно-иллюстрированные сборники

въ многокрасочныхъ обложкахъ:

1. **Нѣмецкія звѣрства.** Памятка для русскихъ людей съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ звѣрствъ, учиненныхъ нѣмцами надъ мирными русскими гражданами.
2. **Кайзеръ Вильгельмъ въ анекдотахъ и нѣмцы въ каррикатурахъ.** Сатирический сборникъ, безжалостно осмѣивающій нѣмцевъ во главѣ съ ихъ клоуномъ-кайзеромъ. Составилъ Ясновидящій.
3. **Наша союзница Франція.** Этнографическій очеркъ, дающій возможность каждому ознакомиться съ жизнью великаго французскаго народа. Масса иллюстрацій. Ноты „Марсельезы“.
4. **Наша союзница Англія.** Этнографическій очеркъ, подробно знакомящій съ современнымъ состояніемъ, бытомъ и военно-морскою мощью Англіи. Массы иллюстрацій.
5. **Русскіе военные анекдоты.** Историческіе и современные. Съ портретами и множествомъ рисунковъ.
6. **Русскій солдатъ,** его отвага, добродушіе и юморъ, проявленныя въ войнѣ 1914 года. Со множествомъ рисунковъ. Составилъ Альбіоновъ.
7. **Шпіоны и шпіонки.** Захватывающе-интересные рассказы, очерки и разоблаченія тайнъ военнаго шпіонажа непріятельскихъ странъ. Множество любопытнѣйшихъ рисунковъ. Составилъ Альбіоновъ.
8. **Непріятель въ анекдотахъ и каррикатурахъ.** Сатирический сборникъ, безжалостно осмѣивающій представителей германской и австрійской армій. Со множествомъ каррикатуръ лучшихъ русскихъ, французскихъ, англійскихъ и бельгійскихъ художниковъ.
9. **Палачи и мародеры.** Послѣднія звѣрства нѣмцевъ и австрійцевъ въ Сербіи, во Франціи и Бельгіи. Со множествомъ рисунковъ.
10. **Русскій офицеръ.** Его героизмъ, находчивость, братское отношеніе къ солдату и юморъ. Со множествомъ рисунковъ.

—< Цѣна каждаго сборника 10 коп. >—

Желающіе получить изъ конторы журнала „20-й ВѢКЪ“ по почтѣ заказной бандеролью, высылають три 7-ми коп. почтов. марки за каждый сборникъ. Наложнымъ платежемъ сборники не высылаются.